

JEL Classification: B1; B31

УДК 330.83:378(477)“1918/1921”

КАК САЙМОН КУЗНЕЦ НАЧАЛ СВОИ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЗАНЯТИЯ? ЧАСТЬ 1

Михайличенко Д. Ю.

Аннотация. Задачей статьи является выявление теоретико-концептуальных истоков научного творчества и научных взглядов С. Кузнеця, которые могли бы быть связаны с его обучением в Харькове в 1918–1921 гг. С этой целью проанализирована структура учебного плана Харьковского коммерческого института, и рассмотрены академические биографии и научные взгляды ведущих профессоров и преподавателей, курсы которых прослушал С. Кузнец. В частности, выделены следующие направления: история хозяйства и экономической мысли, политической экономики и экономической географии, статистики и теории вероятностей. Содержание обучения вводится в контекст теоретико-методологических и политических дискуссий рассматриваемого периода. В частности, рассмотрен вопрос о неамериканских истоках институционализма и эмпирической направленности методологии Кузнеця, влиянии на его взгляды революции в статистическом методе. На основании рассмотренного материала сделан вывод о схожести интеллектуального процесса, обуславливавшего развитие экономической науки на рубеже XIX–XX вв. в США и в Украине, что позволяет говорить о двух истоках, повлиявших на становление С. Кузнеця как учёного-экономиста.

Ключевые слова: Саймон Кузнец, Харьковский коммерческий институт, академическая биография.

ЯК САЙМОН КУЗНЕЦЬ РОПОЧАВ СВОЇ УНІВЕРСИТЕТСЬКІ ЗАНЯТТЯ? ЧАСТИНА 1

Михайличенко Д. Ю.

Анотація. Завданням статті є виявлення теоретико-концептуальних витоків наукової творчості та наукових поглядів С. Кузнеця, які могли би бути пов'язані з його навчанням у Харкові в 1918–1921 рр. З цією метою проаналізовано структуру навчального плану Харківського комерційного інституту та розглянуто академічні біографії і наукові погляди провідних професорів і викладачів, курси яких прослухав С. Кузнец. Зокрема, виділено такі напрямки: історія господарства та економічної думки, політичної економії та економічної географії, статистики та теорії ймовірностей. Зміст навчання введено в контекст теоретико-методологічних і політичних дискусій розглянутого періоду. Зокрема, розглянуто питання про неамериканські витoki інституціоналізму та емпіричної спрямованості методології Кузнеця, вплив на його погляди революції в статистичному методі і ін. На підставі розглянутого матеріалу зроблено висновок про схожість інтелектуального процесу, який зумовлює розвиток економічної науки на рубежі XIX–XX ст. у США і в Україні, що дозволяє говорити про два джерела, які вплинули на становлення С. Кузнеця як вченого-економіста.

Ключові слова: Саймон Кузнец, Харківський комерційний інститут, академічна біографія.

HOW DID SIMON KUZNETS BEGIN HIS UNIVERSITY STUDIES? PART 1

D. Mykhailychenko

Abstract. The aim of the article is to identify the theoretical and conceptual sources of scientific creativity and scientific views of S. Kuznets, which could be related to his studying in Kharkiv in 1918–1921. For this purpose, the structure of the curriculum of Kharkiv Institute of Commerce is analyzed, academic biographies and scientific views of its leading professors and teachers, whose courses were attended by S. Kuznets, are considered. In particular, there singled out the areas of history of economy and economic thought, political economy and economic geography, statistics and probabilities theory. The content of the educational courses is introduced into the context of the theoretical, methodological and political discussions of the period under review. In particular, there considered the issue of the non-American origin of institutionalism and the empirical focus of Kuznets' methodology, the impact on his views of the revolution in the statistical method, etc. Based on the discussed material, there made a conclusion about the similarity of the intellectual process that conditioned the development of economic science at the turn of the 19th–20th century in the US and in Ukraine, which allows to speak about two sources (or main factors) that influenced the formation of S. Kuznets as an academic economist.

Keywords: Simon Kuznets, Kharkiv Commercial Institute, academic biography.

© Михайличенко Д. Ю., 2017

Постановка проблемы. Можно считать общепризнанным, что Саймон Кузнец был одним из крупнейших экономистов XX столетия. По меткому выражению М. Абрамовица, Кузнец был одним из тех исследователей, благодаря которым экономика превратилась “из отрасли прикладной логики в эмпирическую науку” [22, с. 246]. Или тех, кто “установил стандарты количественного исследования экономики” [25, с. 435]. Эти работы были в некотором роде революционными, изменяя тот метод, которым пользовались его великие предшественники, начиная с Риккардо. В значительной степени эмпирическое направление работ Кузнеца было частью общемирового движения в исследованиях экономической конъюнктуры. Оно ярко отражалось в деятельности учителя и многолетнего сотрудника Кузнеца – У. К. Митчелла. Сам С. Кузнец безусловно признавал роль У. Митчелла в своей научной биографии и свой большой интеллектуальный долг перед ним [36]. Однако, вряд ли, влияние У. Митчелла было абсолютно преобладающим, на что указывают такие авторитетные историки экономической науки, как А. Мэддисон и М. Перлман, подчёркивая особенности исследовательского стиля С. Кузнеца и высокий уровень его подготовки, приобретённый в доамериканский период его академической биографии.

В качестве особенностей научной методологии С. Кузнеца выделяют такие как:

- экономика развития с историческим подходом;
- пионерское использование математических регрессий (теория циклов);
- эмпирические исследования экономической динамики.

Неординарность Кузнеца проявлялась не только в стиле его научной методологии, но и в самой его личной культуре. Приведём фрагмент из воспоминаний А. Аникина, видевшего Кузнеца на заседаниях рабочих групп Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока в Бангкоке осенью 1955 года: «... Уровень мышления Кузнеца и остальных участников был несопоставим... Когда все эти непрофессионалы запутывали какой-нибудь вопрос, слово брал по своей инициативе или по просьбе председателя Кузнец, скромный, деликатный человек с тихим голосом, неторопливой и чёткой профессорской речью... Никого не задевая, он быстро заменял туманные разговоры более или менее строгим анализом. Через десять – пятнадцать минут всё становилось на свои места, и мы удивлялись, как мы этого раньше не понимали или не замечали. Его умение разложить сложный вопрос на простые и ясные составляющие восхищало» [1].

Анализ последних исследований и публикаций. Относительно доамериканского академического бэкграунда Кузнеца исследователи его творчества длительное время могли лишь строить догадки, что неудивительно. Свою роль здесь сыграл целый комплекс обстоятельств. Во-первых, это “молчаливость” С. Кузнеца о своей биографии до эмиграции в США. Кузнец не акцентировал внимание на “украинском” (русском? советском?) периоде своей биографии. Исходящие от него самого сведения крайне отрывочны и фрагментарны. Нам известны лишь редкие обмолвки С. Кузнеца: например, донесённое Р. Фогелем упоминание С. Кузнеца об учёбе в “научной гимназии” в Харькове, сказанное на праздновании его юбилея в Гарвардском университете. Что здесь сыграло свою роль, стремление Кузнеца натурализоваться и не выделяться из американской культурной среды, как полагает Г. Вейл, или отсутствие интереса к таким деталям его американского окружения, ныне сказать уже сложно. Во-вторых, это языковой и культурный барьер, поставленный для исследователей советским режимом. Замкнутость советского общества, языковой барьер, малодоступность источников ставили в трудное положение зарубежных исследователей. Для советских историков экономической науки личность эмигранта и “буржуазного учёного” С. Кузнеца фактически закрытой темой для исследования. Более того, частью советского общественно-культурного процесса было создание и углубление разрыва с досоветским прошлым, что сопровождалось настоящим вытравливанием исторической памяти и уничтожением преемственности, в частности академической, между поколениями.

Как следствие, изучение доамериканского академического бэкграунда С. Кузнеца сводилось к спекуляциям на базе очень ограниченного круга известных исследователям биографических фактов. А. Мэддисон пишет, что Кузнец прибыл в США будучи “искущённым и хорошо обученным экономистом с практическим опытом статистической работы”, указывая, что в Украине преподавали в то время М. Туган-Барановский и Е. Слуцкий, а экономический анализ был, на его взгляд, более утончённым, чем в США [31, с. 7–8]. М. Перлман идёт дальше косвенных оценок, включая личность С. Кузнеца в более широкий академический и культурный контекст восточноевропейской еврейской диаспоры в США. Согласно его предположениям С. Кузнец находился под влиянием той же волны, что и его более старший (1888 г. р.) коллега – Зелиг Перлман (отец М. Перлмана), со всеми её характерными особенностями: увлечением марксистским социализмом, опытом полуправовой политической деятельности, вынужденной эмиграции и проч. С. Кузнец и З. Перлман “были очевидным продуктом русско-еврейского марксизма образца эпохи, предшествовавшей 1920-му гг.” [34, с. 308]. Было ли это очевидным? 13 лет разницы в возрасте, которые разделяли С. Кузнеца и З. Перлмана, для культурного процесса в России на переломе XIX–XX ст. были существенной разницей, раздвоенной рубежом революции 1905 года и конституционными реформами. Они принадлежали к разным поколениям, находившимся под влиянием разной интеллектуальной и культурной моды. Этот факт не позволяет проводить прямых аналогий между этими двумя личностями без серьёзных фактических оснований.

Г. Вейл, автор последней по времени крупной биографической публикации, посвящённой Кузнецу, также отмечает оригинальность его творчества в контексте американской экономической науки первой половины XX ст. Однако он высказывает несколько иную, противоположную догадкам М. Перлмана, гипотезу относительно загадки его жизни и творчества. С. Кузнец прибыл из Харькова с доскональным знанием «статистических и эмпирических методов». Его культура и его прошлое обусловили способность видеть экономику с позиции почти что чистой доски, без концептуальной предвзятости. Его строгие эмпирические линзы были не замутнены предвзятой теорией [37, с. 43]. Если это так, то как мог С. Кузнец получить “доскональную подготовку” в статистических и эмпирических методах без теории? Время учёбы Кузнецца было эпохой переворота в статистической методологии, и наличие доскональной подготовки в современных ему статистических методах само по себе свидетельствовало о серьёзной вовлеченности в процесс развития “предвзятой теории”. Это же замечание можно сделать и об эмпирической экономике и о противоречии в фактах. Сам факт обучения Кузнецца в высшем учебном заведении (для Г. Вейла – предположительно, в Харьковском университете) слабо увязывается с подобной “теоретической чистотой”.

Разобраться в проблеме харьковского периода академической биографии Кузнецца мешал не только дефицит информации, но и путаница в известных её фактах. Ошибочно называлось даже место рождения Кузнецца. М. Абрамовиц, готовя в 1985 г. статью-некролог о Кузнецце, с удивлением узнал, что большинство биографических изданий таковым указывают Харьков, хотя вдова учёного Е. Хандлер-Кузнец заверила его, что Кузнец родился в Пинске [28, с. 241]. Ещё более серьёзные искажения в биографии вызвало ошибочное, как оказалось, толкование слов из нобелевской автобиографии Кузнецца: “My university studies began in Russia, and were completed at Columbia University (B.Sc. in 1923, M.A. in 1924, Ph.D. in 1926)” [36]. Главный акцент фразы однозначно смещён к Колумбийскому университету, где С. Кузнец получил свои научные степени. Однако исследователям казалось наиболее логичным и даже очевидным, что первая часть фразы не может указывать ни на что иное, кроме как на аналогичный вуз “в России”, в Харькове, где жил Кузнец – Харьковский университет. Про существование других экономических вузов в Харькове начала XX в. вряд ли кто тогда помнил и догадывался.

Наверное, наиболее развёрнуто С. Кузнец высказался о своей доамериканской биографии на праздновании своего 80-летнего юбилея в Гарварде. Эти слова из его выступления приводит Р. Фогель: “Я приехал в эту страну в 1922 году, когда мне был 21 год, таким образом, большую часть своей первой четверти жизни я провёл в России, преимущественно в обучении, но также в приобретении изрядного количества жизненного опыта: война, революция, два года в экономическом учреждении (institution devoted to economics – в оригинале, Д.М.), два года в советском правительстве. Собственно, я закончил как глава секции бюро статистики труда Украины, и моя первая публикация была на русском языке, когда я был в зрелом двадцатилетнем возрасте. Таким образом, когда я прибыл в Соединённые Штаты, я прибыл со специфическим багажом: обучением в научной гимназии (scientific gymnasium – в оригинале, Д. М.), изрядным опытом статистических исследований в экономике, изрядным объёмом прочитанного (я хорошо знал работы Шумпетера ещё перед приездом сюда) и любовью к правильным количественным процедурам, которые прилагаются к обществоведческой тематике” [27, с. 31]. Здесь обращают на себя однозначные указания Кузнецца на то, что значительную часть своей академической эрудиции и “жизненного опыта” в ключевой момент своего личностного формирования он приобрёл в Харькове. Однако, что это был за опыт и в чём состояла приобретённая в Харькове эрудиция?

Прорыв в воссоздании канвы фактов харьковского периода биографии Кузнецца связан с серией работ В. Московкина, вышедших в 2002–2012 гг. В. Московкиным была найдена и опубликована в репринте первая научная работа Кузнецца “Денежная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности Харькова в 1920 году”, опубликованная в Харькове в 1921 г. [8]. В 2010 г. В. Московкин обратился к дочери С. Кузнецца – Дж. Штейн, получив от неё документы, свидетельствующие, что в 1918–1921 гг. С. Кузнец обучался в Харьковском коммерческом институте (ХКИ), сдав часть экзаменов за 1-й и 2-й курсы обучения [10; 11]. Затем В. Московкиным были установлены обстоятельства обучения С. Кузнецца в реальных училищах в Ровно и в Харькове, а также биографические данные его учителей в ХКИ [9; 12; 14]. Данные об обучении Кузнецца в Харьковском коммерческом институте хорошо ложатся на уже изданные работы по истории этого учебного заведения [18]. Попытка соотнести научные взгляды Кузнецца с концептуальным содержанием его харьковского периода академической активности была предпринята в работе В. Московкина и Д. Михайличенко, предпринявших публикацию магистерской диссертации С. Кузнецца “Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая”, представленной в Колумбийском университете в 1924 г. [13] По свидетельству М. Перлмана, эта диссертация представляла собой доработанную англоязычную версию курсовой работы второго года обучения в ХКИ [35, с. 130].

Таким образом, у нас достаточно информации, чтобы продолжить восстанавливать фактическую канву харьковского периода академической биографии С. Кузнецца в её содержательной части.

Целью статьи является воссоздание тех интеллектуальных течений начала XX ст., которые могли оказать долговременное влияние как на научную эрудицию Кузнецца, так и на его взгляды на экономическую науку.

Харьковский коммерческий институт. Харьковский коммерческий институт был открыт в 1912 г. как высшие коммерческие курсы и представлял собой академически самостоятельное, самоуправляемое учебное заведение. Руководил им совет попечителей, представлявших, главным образом, предпринимательскую элиту города. К преподаванию были привлечены профессора харьковского университета и независимые специалисты. Идея, вдохновлявшая основателей курсов, была двойной. Профессора-экономисты хотели получить больший простор для своей научной и преподавательской деятельности, не связанной университетским уставом, признающим экономику и финансовую науку лишь частью образования юристов, и ограничивавшую её юридическими факультетами. Торгово-промышленные круги высшего образования, более близкого к конкретной экономике и направленного на подготовку специалистов, ориентированных на работу в её заведениях – банках, страховых и торговых компаниях, заводских конторах. В движении за открытие высших коммерческих курсов и в деятельности по их становлению отличились сразу все три столпа харьковской коммерции – Харьковское купеческое общество, представлявшее созвездие купеческих фамилий, с принадлежавшими им торговыми домами; Союз съездов горнопромышленников юга России, объединявший горно-металлургические концерны Донецкого бассейна; и харьковские филиалы банков “большой пятёрки”, в частности, Азовско-Донского, Петербургского международного и Русско-Азиатского банков [18, с. 24-25]. Харьковский коммерсанты всячески способствовали развитию института. Не слишком важная, но весьма характерная деталь: в разгар Первой мировой войны глава его Опекунского совета коммерции – советник И. К. Велитченко умудрился доставить в обход блокады и военных ограничений итальянский мрамор и бронзовые светильники для парадной лестницы нового здания института.

В 1916 г. высшие коммерческие курсы получили статус института, выполнив предъявляемые к нему требования закона. Впрочем, кроме самого закона существовали обстоятельства, препятствовавшие самому их появлению, о чём свидетельствует письмо харьковского губернатора М. К. Катеринича министру торговли и промышленности, датированное маем 1912 г. Губернатор выражал опасения, связанные с ролью евреев в создании и деятельности будущих курсов [3, Ф. 3, Оп. 285, д. 243, Л. 1]. Ещё накануне открытия высших курсов, которые изначально претендовали на статус института, развернулась ожесточённая полемика в прессе, участие в которой принял и видный консервативный публицист М. О. Меньшиков, видевший в коммерческих институтах инструмент для продвижения еврейского засилья и политическую трибуну для левых радикалов [7, с. 468]. Консерваторы выдвигали и другой аргумент, принципиально выступая против развития неклассических (неуниверситетских) институтов высшего образования.

К моменту поступления Кузнеця эти дискуссии, как и 5 % ограничение для евреев в контингенте студентов, уже отошли в прошлое, будучи деактуализированы волной демократической революции 1917 года. В 1916 г. контингент учащихся достиг 558 студентов и вольнослушателей обоего пола. Согласно планам его предполагалось довести до 4 тыс. человек (по 1 тыс. на каждом курсе). Институт имел качественный преподавательский состав и развивал современные для своего времени формы учебного процесса. В 1916 г. преподавали в ХКИ 58 человек – 15 профессоров, 2 приват-доцента, 33 преподавателя и 8 ассистентов. В институте действовал один факультет – экономический, который подразделялся на пять отделений: экономико-коммерческое, педагогическое – для подготовки преподавателей экономических дисциплин; банковско-страховое; местного хозяйства, промышленное. Такая структура полностью отражала хозяйственную специализацию Харькова и всего региона так называемого тогда юга России. В частности, открытие промышленного отделения было ответом на запросы горно-металлургических концернов и их основного репрезентанта – Союза съездов горнопромышленников юга России во главе с одним из попечителей института Н. фон-Дитмаром.

Согласно имеющимся у нас данным, в 1918–1920 гг. ХКИ продолжал свою деятельность, которая, однако, испытывала воздействие революционного времени. Весной 1917 г. нормальный ход учебного процесса нарушался студенческой забастовкой “солидарности”. В ноябре 1917 г. – ноябре 1918 г. смена властей УНР, “первой советской республики”, немецкая оккупация и создание гетманата не оказали заметного влияния на ход учебного процесса. В декабре 1918 – июне 1919 гг., после установления власти красных, были предприняты радикальные, но поверхностные по своему воплощению попытки реформирования высшего образования в Харькове – в университет и институты были назначены “комиссары”, была осуществлена попытка “объединения” вузов города (сведшаяся к организации общего правления), а в учебные планы вводилось большое число идеологизированных марксизмом “социально-политических” дисциплин. Что более существенно, с приходом красных это полугодие Харьков покинул ряд ключевых профессоров ХКИ, в частности, А. Н. Андциферов. Более существенный удар по институту советские власти нанесли в начале 1920 года, после своего повторного возвращения в город. В это время институт практически приостанавливает свою деятельность, а его профессора эмигрируют или подвергаются политическим преследованиям.

В таблице 1 приведены академические дисциплины, которые студенты ХКИ изучали на первых двух курсах обучения согласно учебному плану 1915–1916 учебного года. Учебный план первых двух годов обучения был общим для всех студентов, специализация по отделениям осуществлялась на старших, 3-м и 4-м курсах. В колонке 3 указаны даты сдачи С. Кузнецом соответствующих экзаменов и зачётов согласно англоязычной копии его зачётной книжки, предоставленной г-жой Дж. Штейн.

Таблица 1

Учебный план Харьковского коммерческого института, 1915-1916 гг. (1-й и 2-й годы обучения)

Дисциплина	Преподаватель	Оценка ¹	Дата сдачи
<i>1 курс</i>			
Богословие	преп. протоиер. Н. С. Стеллецкий		
Политическая экономия	проф. П. И. Фомин	“Весьма удовлетворительно”	29 апреля 1919 г.
История экономических учений	проф. В. Ф. Левитский	“Весьма удовлетворительно”	16 мая 1919 г.
Общая теория права	проф. А. Н. Фатеев	“Зачтено удовлетворительно”	14 мая 1919 г.
Государственное право	проф. А. Р. Гюнтер	“Весьма удовлетворительно”	26 мая 1919 г.
Коммерческая арифметика	преп. А. Н. Сериков	“Весьма удовлетворительно”	18 декабря 1918 г.
Землеведение ²	преп. И. И. Попов	“Зачтено весьма удовлетворительно”	26 апреля 1919 г.
Российская история	проф. В. И. Савва		
Всеобщая история	преп. Н. С. Гольдин		
Английский язык (начальный уровень)	преп. Д. Фербер	“Весьма удовлетворительно”	
Немецкий язык (средний уровень)	преп. О. А. Засядько	“Зачтено”	
<i>Практически занятия</i>			
Политическая экономия	проф. П. И. Фомин		
Общая теория права	доц. И. А. Трахтенберг		
Счетоводство	преп. А. Н. Сериков		
<i>2 курс</i>			
Экономическая политика	проф. М. Н. Соболев		
Статистика	проф. А. Н. Анциферов (И. И. Попов)	“Зачтено”	7 июля 1921 г.
Экономическая география	проф. П. И. Фомин		
Гражданское право	проф. С. Е. Сабинин		
Административное право	проф. А. А. Раевский		
Счетоводство	преп. П. М. Соболев		
Высшая математика	преп. В. Х. Даватц		
Теория вероятностей	преп. С. Н. Бернштейн		
Специальный курс политической экономии	И. А. Трахтенберг		
<i>Практические занятия</i>			
Статистика	проф. А. Н. Анциферов (И. И. Попов)	“Зачтено”	7 июля 1921 г.
Политическая экономия	доц. И. А. Трахтенберг		
Гражданское право	доц. В. И. Серебровский		
Высшая математика	преп. В. Х. Даватц		

Источник: отчёт Харьковского коммерческого института за 1916-1917 учебный год [15, с. 18–19]

1-й курс обучения С. Кузнец должен был пройти в 1918–1919 учебном году, 2-й курс – в 1919–1920-м учебном году.

¹ В высших учебных заведениях начала века использовалась трёхбалльная система оценивания: 1 – весьма удовлетворительно, 2 – удовлетворительно, 3 – неудовлетворительно.

² Переведено как “Physical Geography”.

Обращает на себя внимание отсутствие оценок за некоторые из академических дисциплин 1-го курса и большинство дисциплин 2-го курса. Насколько можно судить по имеющимся в коллекции Музея ХНЭУ им. С. Кузнеця копиям зачётных книжек студентов ХКИ, относящимся к данному периоду, задержка со сдачей экзаменов была не единственным случаем. Нами не установлено, преподавался ли в 1918–1919 учебном году в ХКИ курс богословия или был ли он обязателен для лиц неправославного вероисповедания. Основой курса было нравственное богословие; преподаватель проводил сравнительный анализ онтологических и этических основ различных религиозных и философских систем древности и современного начала XX ст. времени, давая им апологетическую, относительно православного христианства, оценку. Этот курс может быть охарактеризован как безусловно интересный и повышающий уровень культурной эрудиции его слушавших. Ведший его преподаватель, профессор Харьковского университета протоирей Н. С. Стеллецкий, в июне 1919 г. был арестован харьковской ЧК, вместе с группой других заложников от “харьковской буржуазии” вывезен при отступлении красных в Суммы и зверски убит начальником концлагеря С. Саенко [19, с. 72].

Отсутствие оценок по российской и всеобщей истории объяснить более сложно. Возможно, эти дисциплины были “отменены” или заменены советскими властями и в первой половине 1919 г. не читались. Читавший высшую математику приват-доцент В. Х. Даватц в ноябре 1919 г. вступил в ряды Добровольческой армии и в Харьков не возвращался. В первом полугодии 1919 г. отсутствовал в занятом большевиками Харькове проф. А.Н. Анциферов; в ноябре 1919 г. с отступающей Белой армией он и проф. А.Н. Фатеев навсегда покинули город.

Уверенно говорить про нормальный ход учебного процесса на втором курсе обучения Кузнеця в ХКИ можно только относительно первого полугодия: сентября – ноября 1919 года. Третий раз красные овладели городом 12 декабря 1919 г., что повлекло за собой кампанию репрессий, направленную, в том числе, против “кадетской” профессуры университета и ХКИ, активно поддерживавшей Вооружённые силы юга России (ВСЮР). Тогда же были проведены аресты среди оппозиционных советскому режиму преподавателей. Проф. В. Ф. Левитский находился под арестом и следствием, проф. В. И. Савва был расстрелян.

В какой мере институт был способен продолжать занятия в течение 1920 г. установить сложно. Профессор П. Фомин, возглавивший вуз после его реорганизации советскими властями в институт народного хозяйства, так писал о его состоянии в данный период: “Весь... период с конца 1919 г. по октябрь 1922 г., в сущности говоря, был посвящён попытке спасти от окончательной деморализации институт, лишённый помещения, библиотеки, лишённый возможности организовать сколь-нибудь правильные лекционные работы, оставшийся без кабинетов и лабораторий, без минимального имущества и обзаведения”. Тем не менее, описывая ситуацию в столь мрачных красках, П. Фомин упоминает, что и в столь стеснённых условиях институт предпринимал усилия по ведению занятий. В “предоставленном” институту помещении бывшей еврейской богадельни по ул. Куликовской, 12, где “с трудом могут протиснуться друг около друга две встречные волны студентов, с недостаточными помещениями для аудиторий и с клетушками в одно окно, где приходится ютиться кабинетам” [18, Ф. 166, Оп. 2, Д. 1512, Л. 16]. Таким образом, про полное прекращение занятий говорить вряд ли возможно; равно как и про возможность их “правильного” хода, со сдачей экзаменов в установленные сроки.

Как можно видеть из копии зачётной книжки, Кузнеця делал упор на изучение статистики, экзамен по которой и значится сданным в июне 1921 г. Подпись принимавшего экзамен вместо А. Н. Анциферова поставил И. И. Попов.

Рассматривая структуру учебного плана ХКИ, нетрудно заметить, что на его составление повлияли две характерные для высшего экономического образования начала XX ст. тенденции.

В целом он построен исходя из немецко-российской образовательной парадигмы, где хозяйственная деятельность, во-первых, воспринимается через призму обеспечивавших её правовых отношений, а во-вторых, рассматривается как объект государственного, прежде всего законодательного, регулирования. Отсюда присутствие в нём сильного блока правовых дисциплин, курсов истории (общей, национальной, хозяйственной), а также дихотомия курса экономической теории, разделённого на взаимодополняющие курсы политической экономики и экономической политики. Влиятельная в ХКИ группа профессоров юридического факультета Харьковского университета оставалась под влиянием данной парадигмы, продолжая смотреть на экономиста, как на такого себе “юриста нового типа” – “администратора-организатора”, по выражению проф. А. Н. Фатеева [15, с. 12].

В структуре учебного плана также прослеживается влияние всё более сильного интереса к эмпирическим исследованиям в экономике, а также стремления готовить “практических деятелей в области хозяйства”. В учебном плане первых двух курсов эта тенденция получила отражение в наличии и в конкретном содержании курсов экономической географии и “землеведения”, читавшихся П. И. Фоминым и И. И. Поповым. Она же проявлялась в научно-исследовательской деятельности института. В её рамках были осуществлены вполне значительные как для своего времени проекты по сбору относящейся к народному хозяйству статистической информации; созданы учебно-научные подразделения, такие как Кабинет экономического изучения России, который планировалось развернуть в харьковский аналог создававшихся в то время в Германии и США исследовательских учреждений по изучению экономической динамики и проч.

И. И. Попов давал очень ёмкую концептуально характеристику читавшегося им курса “Землеведения”, отмечая: “Землеведение... в Институте, высшей школе социальных наук и специальной школе социальной организации, не может ставить своей задачей изучение географических явлений самих по себе, оно изучает и рассматривает эти явления как ту внешнюю среду, в которой и в зависимости от которой слагаются и протекают явления социальной жизни и, в частности, явления экономические... при анализе конкретных явлений хозяйственной жизни во многих случаях эти последние едва ли могут быть рассматриваемы вне условий, создаваемых территорией... и вообще вне зависимости от физико-биологической среды” [15, с. 30].

Даже краткое рассмотрение учебного плана ХКИ позволяет предположить, что в его содержании и структуре содержатся идеи, ставшие впоследствии считаться характерными особенностями взглядов и научного стиля С. Кузнецца. А именно: стремление рассматривать экономические явления в динамике; в их связи с процессами в социальной сфере жизни общества; интерес к сбору и эмпирическому анализу статистических данных в экономике и демографии, и не только. Итак, насколько можно подтвердить или опровергнуть данное предположение, а также гипотезы М. Перлмана о “марксистском” периоде в академической биографии Кузнецца (что могло быть только результатом самообразования или участия в деятельности политических кружков) и Г. Вейла о “теоретической непредвзятости” учёного? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, рассмотрим академические биографии и взгляды авторов ключевых, на наш взгляд, учебных курсов 1-го и 2-го курсов ХКИ. Поскольку именно они могли оказать наиболее сильное влияние на формирование С. Кузнецца как подготовленного и эрудированного экономиста, каким он был на момент своей эмиграции в США.

“Русская историческая школа” профессора В. Ф. Левитского. Говоря о “немецко-российской” парадигме высшего экономического образования, следует указать не только на влияние формально-юридического подхода. Признано, что на российскую и украинскую экономическую мысль рубежа XIX–XX ст. сильное влияние оказывала немецкая историческая школа в политической экономии, которая, прежде всего, могла оказывать концептуальное влияние на содержание тех знаний, которые получали студенты ХКИ, а на воспринимаемую ими научную методологию.

Историческая школа представляет из себя довольно сложную и комплексную систему взглядов. Детальные исследования выявляют в её составе несколько направлений, в частности: аналитическое, биолого-социологическое, юридическое и статистическое [27]. Частично это объясняется этапностью её формирования на протяжении 40-х гг. XIX – нач. XX ст. Общим для всех течений исторической школы является интерес к “неэкономическим” факторам, влияющим на содержание хозяйственных процессов (культуре, социальным отношениям, социальной психологии, государственной политике) и взгляд на экономику как на исторически развивающуюся хозяйственную систему. Интерес к социальным аспектам экономического развития вплотную приводит представителей так называемой новой и юной исторической школы к формулировке понятия института – основного понятия институционального направления в экономической мысли. К институционализму уже безусловно относят самого Кузнецца и учёного, с которым наиболее тесно связан американский период его академического становления, – У. К. Митчелла. Учитель У. К. Митчелла – Т. Веблен, собственно, и является основателем так называемого старого институционализма; влияние исторической школы на него также является признанным фактом [24].

Историческая школа в экономической науке ассоциируется с Германией. Это не удивительно; в Германии работали крупнейшие представители всех её этапов и направлений. Однако, это направление было влиятельным и в академических сообществах других стран, что позволяет говорить об ирландской исторической школе, французской исторической школе и т.д. Вопрос о существовании “российской / украинской исторической школы” был поставлен в недавних работах В. Барнета, где рассматриваются и существующие в литературе взгляды на данную проблему [21; 22]. Раньше (что особенно интересно – в рассматриваемый нами период, на рубеже XIX–XX ст.), взгляд на российскую (украинскую) экономическую науку как на находившуюся под непосредственным влиянием исторической школы был ещё более распространён. К представителям данного направления в России относили И. И. Янжула, А. И. Чупрова и И. Х. Озерова. В их работах можно найти многочисленные параллели и прямые отголоски характерных для исторической школы взглядов. Историческую школу В. Барнетт определяет как “главную компоненту” работ А. И. Чупрова [21, с. 235, 243].

На наш взгляд, более верным было бы акцентировать многочисленные и ещё более глубокие параллели в развитии экономической мысли, характерные для стран континентальной Европы ещё с начала XIX ст., что позволило самому В. Рошеру говорить о “русско-германской” школе в экономической мысли того времени. О себе В. Рошер утверждал, что находится под впечатлением классиков политической экономии – Дж. Ст. Милля и особенно А. Смита [28, с. 183–184]. Вероятно, В. Рошеру импонировала 3-я книга “Исследования о природе и причинах богатства народов”, где А. Смит развивает конкретно-исторический подход к анализу экономических явлений.

Но это же мог бы сказать о себе и А. И. Чупров. Таким образом, можно говорить о во многом едином интеллектуальном процессе в развитии экономической мысли, для которого характерны и многочисленные пересечения, и определяющие характер национальных школ особенности. Так, относительно А. И. Чупрова

и российской (украинской) экономической мысли второй половины XIX ст., такими особенностями считают их “народническое” направление и интерес к марксизму, вылившийся в его “народническую” интерпретацию. Тогда как немецкая историческая школа эволюционировала в направлении доктрины государственного социализма А. Вагнера и культурологической методологии М. Вебера и В. Зомбарта.

В Харьковском коммерческом институте с теоретическими подходами к изучению и объяснению экономических явлений студенты знакомились в курсе “Истории экономических учений в связи с историей хозяйственного быта”, который читал профессор Владимир Фавстович Левитский (1854–1939). Эта дисциплина читалась на первом курсе, ей изначально отводилось центральное место среди прочих учебных предметов. Сам В. Ф. Левитский, который был основным автором учебного плана ХКИ, ставил задания своего курса очень выразительно: “Только после критической оценки экономических школ возможно научное построение политической экономии”. Судя по копии зачётной книжки, С. Кузнец сдал её в положенный срок самому В. Ф. Левитскому и получил высшую оценку – “весьма удовлетворительно”.

В. Ф. Левитский в 1919 г. был старейшим и наиболее авторитетным профессором-экономистом Харькова. Кроме ХКИ он преподавал в Харьковском университете, где с 1892 г. возглавлял кафедру полицейского права, и в харьковском технологическом институте. В воспоминаниях А. Р. Гюнтера даётся несколько ироничный отзыв о манере чтения лекций В. Ф. Левитским³. Но какова бы ни была его манера чтения лекций, В. Ф. Левитский был признанным в России учёным-экономистом. Его курс лекций «История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта», изданный в 1914 г., в начале XX в. был академическим стандартом для преподавания этой дисциплины в России (Украине). Имеются и современные переиздания этого пособия [6].

Академическая биография В. Ф. Левитского довольно красноречива и характерна для своей эпохи. Он происходил из семьи священника Киевской губернии, обучался в Киевской духовной семинарии, но не оставил её по окончании 4-го (философского) класса, увлечшись “запрещённой” литературой. В 1874 г. он поступил в Новороссийский университет, где сначала слушал лекции по естественным наукам, а затем перешёл на юридический факультет, на котором на него “произвели особенное впечатление” лекции профессоров Посникова (политическая экономия) Дювернуа (римское право) и Леонтовича (история русского права). Во время учёбы в университете, 1875–1877 гг. В. Ф. Левитский стал активным членом и лектором подпольного народнического кружка лавристов. В 1876 и 1878 гг. находился под следствием. Во второй раз – по резонансному делу А. Гобста, готовившего покушение на Александра II. Несколько дней В. Ф. Левитский провёл под арестом, после чего был приговорён к административной высылке [12, с. 47], однако смог продолжить занятия в университете. С 1879 г. он активно посещал неформальный кружок, сложившийся вокруг молодого профессора-экономиста А. С. Посникова (1846–1922) [2, с. 287], локального земского деятеля и теоретика общины, либерального народника; в 1902 г. А. С. Посников стал первым деканом открытого по инициативе С. Ю. Витте экономического отделения С.-Петербургского политехнического института – первого в империи высшего экономического учебного заведения; депутат Государственной думы IV созыва от Петроградской губернии [17].

По окончании университета В. Ф. Левитский не имел успеха в попытках заняться юридической практикой и выбрал академическую карьеру. В 1881–1883 гг. он был командирован для прохождения научной стажировки в Германию. Там он слушал лекции в университетах Гейдельберга и Берлина, в частности, участвовал в занятиях семинара Г. фон Шмоллера – ключевой фигуры так называемой новой исторической школы. По возвращении в Россию В. Ф. Левитский выдержал экзамен на степень магистра политической экономии в Московском университете; в 1885 г. защитил диссертацию *pro venia legendi* “Вопрос о методе политической экономии в новейшей Германской литературе” в Демидовском Ярославском лицее, что дало ему право быть избранным приват-доцентом по кафедре политической экономии; в 1890 г. в Московском университете получил степень магистра политической экономии за диссертацию “Задачи и методы науки о народном хозяйстве”. В Харьковском университете В. Ф. Левитский начал преподавание в 1893 г., заняв кафедру полицейского права, и с 1902 г. – кафедру политической экономии и статистики. Кафедру и звание ординарного профессора

³ «Был он очень добрый человек, но лекции читал очень плохо: во-первых, он их читал, а не говорил, это не были живые лекции *à vive voix*, с выразительными интонациями, а безразлично-скучное чтение; во-вторых, читал он их по пожелтевшим листкам. Очевидно, это были подробные конспекты, а может быть, и полные тексты лекций, написанные в самом начале лекторской работы профессора Левитского, то есть лекции, в которых ни единым словом не упоминалось о последних достижениях науки; и, наконец, третий недостаток – Левитский говорил таким тихим голосом, что даже в первом ряду аудитории ничего не было слышно. Мы, студенты, в шутку говорили, что у профессора Левитского слова застревают в бороде. Но так как мы к нему относились с большим уважением и не хотели, чтобы он, придя на лекцию и увидев пустую аудиторию, уходил огорчённый, то старостат курса предложил установить дежурства на каждой лекции Левитского из 15–20 студентов. Это предложение на общем собрании курса было принято, и всё пошло нормально» (Фёдорова Е. Везьянное поколение: Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика Александра Гюнтера (1890–1984). М.: [б. и.], 2004. 265 с.

Возможно, под «последними достижениями в науке» А. Р. Гюнтер, писавший свои воспоминания в глубокой старости, имел в виду недолжное, по его мнению студенческих лет, внимание, которое В. Ф. Левитский уделял актуальным на тот момент течениям в марксизме. Однако в любом случае это замечание нельзя распространять на маргиналистов, с работами которых В. Ф. Левитский был знаком досконально, что отражается в его опубликованных трудах, и, вероятно, Й. Шумпетера

В. Ф. Левитский получил после защиты в Московском университете своей докторской диссертации “Сельскохозяйственный кризис во Франции” [2, с. 287–288].

Таким образом, В. Ф. Левитский должен был быть безусловно и достаточно глубокого знаком с современными ему течениями в экономической мысли, а сама экономическая методология была его специализацией. Его академическая биография указывает на три вероятных источника, повлиявших на его взгляды. Он был непосредственно знаком с новой исторической школой в Германии. Его тесные контакты с Московским университетом указывают на фигуру А. И. Чупрова. Наконец, он был “народником 1870-х гг.”, что в то время было очень понятной и яркой характеристикой взглядов и убеждений человека, принадлежавшего к тому поколению.

Итак, в своём курсе лекций (издававшемся до 1917 г. дважды – в 1907 г. и 1914 г.) В. Ф. Левитский последовательно рассматривал особенности хозяйственного строя народов Европы, начиная с Античности, и развитие в контексте исторических эпох, экономических взглядов. В работе над курсом он опирался на консультации историков университета. В эпоху Нового времени последовательно рассматриваются и анализируются школы меркантилистов, физиократов, английская классическая школа, социализм и научный социализм, протекционизм Ф. Листа, историческая школа, “социально-политическое направление” А. Вагнера. В предисловии к учебнику В. Ф. Левитский замечает, что в издание не вошли главы про взгляды ревизионистов марксизма и австрийской школы, а также “характеристика некоторых течений в области методологии политической экономии”, представленные в его лекциях [5, с. 8].

В основной работе В. Ф. Левитского “Задачи и методы науки о народном хозяйстве” (1890 г.) содержатся ссылки на труды на 110 европейских и российских авторов. По частотам упоминания авторов распределяются следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Частота упоминания авторов в работе В. Ф. Левитского
“Задачи и методы науки о народном хозяйстве”**

Имя	Количество упоминаний
1	2
Knies, Karl	75
Mill, John Stuart	70
Smith, Adam	62
Schmoller, Gustav von	55
Menger, Carl	52
Rodbertus, Karl	38
Ricardo, David	36
Cliffe Leslie, Thomas	35
Brentano, Lujo	29
Dargun, Lotar	29
Dietzel, Heinrich	28
Sax, Emil	28
Cairnes, John	26
Ingram, John	26
Wagner, Adolph	26
Roscher, Wilhelm	22
Kautz, Julius	21
List, Friedrich	21
Marx, Karl	18
Schäffle, Albert	16
Jhering, Rudolf von	14
Mohl, Robert von	13
Bagehot, Walter	12

1	2
Cohn, Gustav	12
Rümelin, Gustav von	12
Sidgwick, Henry	12
Wundt, Wilhelm	12
Hildebrand, Bruno	11
Stein, Lorenz von	10
Прочие	199

Источник: подсчитано автором на основе [4]

Менее 10 раз упомянуты О. фон Бём-Баверк, У. Дживонс, А. Тойнби, Й. фон Тюнен, Ф. Бастиа, Т. Мальтус, А. Тюрго, К. Дитцел, Дж. Коммонс, Г. Джордж, А. Маршалл, Н. Зибер. Низкое количество упоминаний работ А. Маршалла можно объяснить тем, что его основной труд – “Принципы экономической науки” на момент публикации работы В. Ф. Левитского ещё не вышел из печати.

Действительно, судя из приведённых частот упоминаний, основное внимание В. Ф. Левитского привлекали представители немецкой исторической школы. Также много места отводилось учёным классической школы, в особенности Дж. Ст. Миллю. И очевидный интерес у В. Ф. Левитского вызывал труд К. Менгера. Всё это ожидаемо и не вызывает удивления; В. Ф. Левитский посещал семинар Г. фон Шмоллера в самый разгар “спора о методах” (Methodenstreit), и наверняка проблеме теоретического конфликта между Немецкой исторической и Австрийской школами там приселялось немало внимания. О том, что книга задумывалась под впечатлением от вышедшей в 1883 г. работы К. Менгера, В. Ф. Левитский указывает уже в предисловии [4, с. III]. Интересно то, что В. Ф. Левитский не становится на точку зрения Г. фон Шмоллера и не отвергает идеи австрийской школы. Он признаёт большой вклад К. Менгера в экономическую методологию.

Противоречия во взглядах представителей нескольких школ в политэкономии: немецкой “новоисторической”, английской классической, “социалистической” и австрийской и являются предметом анализа в работе В. Ф. Левитского. Эти противоречия он рассматривает именно как методологические. Целью, которую ставил перед собой В. Ф. Левитский, было нахождение возможности синтеза сильных сторон этих школ для построения основ позитивной, объективной экономической науки. “...уже самый тот факт, что обвинения в “не реальности” и т.п. направляются не против отдельных представителей той или другой школы, но против основных воззрений целой школы и в общем каждая школа имеет целый обвинительный акт против всех остальных, представляет, на первый взгляд, с невыгодной стороны экономическую науку... в особенности для лиц, знакомых с состоянием положительных наук, современные отношения между экономическими школами могут представляться фактом, чрезвычайно компрометирующим экономическую науку” [4, с. 5].

Как видим, задача построения экономической науки как позитивной науки ясно ставилась в Харькове ещё в конце XIX ст. Насколько эта позитивная наука мыслилась как эмпирическая? В. Ф. Левитский проводит критический анализ и пытается выделить “положительные истины” в концептуальные положения каждой из современных ему школ политической экономии, отбросив “случайные заблуждения”, проистекающие из “условий времени” и “настроений века” [4, с. 6].

Он ставит задачу теоретического синтеза. Каким же образом она решается? Прежде всего, через предложенное К. Менгером разделение экономических наук на “исторические” (или “историко-статистические”, такое уточнение ясно раскрывает возлагавшиеся на них задачи), “теоретические” и “практические” [4, с. 9]. Далее следует, что к теоретическому конфликту приводит неверное понимание школами области применения своих работ. Так, исторической школой разработаны методы статистического исследования экономической динамики; классической школой – методы анализа экономических процессов. Однако представители обеих школ взаимно отрицают свои достижения.

С другой стороны, “индивидуалистическая” (классическая и австрийская) и “социалистическая” школы имеют кардинальное методологическое противоречие, заключающееся в противоположном взгляде на процесс разделения труда. Близкий к исторической школе немецкий государственный социализм постулирует его как механизм сплочения людей в рамках национального хозяйства и национального дохода (это положение Новой исторической школы детально проанализировано Х. Нау и Ф. Штайнером [31]). Индивидуалистический социализм Маркса и индивидуалистический подход классической школы видят в процессе разделения труда прежде всего механизм индивидуального присвоения. При этом марксисты дают ему крайне негативную оценку [4, с. 11–12].

Окончательному определению места и отношения экономических школ в рамках системы позитивного знания о хозяйстве посвящён последний раздел монографии В. Ф. Левитского “Критика экономических систем и их классификация”. Здесь В. Ф. Левитский даёт расширенное изложение того же классифицирующего принципа – разделение экономической науки на “теорию”, “политику” и “историю” (статистику) с соответствующими сферами компетенции [4, с. 252]. Политико-экономические доктрины классифицируются в соответствии с их “сильными сторонами”: протекционизм Ф. Листа – как система хозяйственной политики, доктрины ценности и капитала К. Менгера и О. фон Бём-Баверка – как “чисто теоретические” и т.д.

Взгляды В. Ф. Левитского имели многоплановый и “многословный” характер. Так, он явно разделяет ключевое положение исторической школы о соответствии форм хозяйственной организации условиям исторической эпохи, а экономических учений – этим формам. Компетенцию “теоретической экономики” (экономического анализа классической и австрийской школ) он ограничивает исследованием характерных для данной исторической эпохи типов хозяйствования. Сам же процесс формирования и изменения этих типов относится к компетенции тех методов исследования, которые использовала историческая школа.

Интересно, что В. Ф. Левитский объединяет классическую и австрийскую школу на основе единства их метода. Очевидно, что идеи неоклассического обновления экономической науки были В. Ф. Левитскому интуитивно понятны и до выхода работы “Принципов экономической науки” А. Маршалла.

Интересно, что почти в это же время прилагал усилия, чтобы убедить экономистов немецкой исторической школы в полезности “теоретического” (классического – австрийского – неоклассического) Й. Шумпетер [30, с. 511].

Также очевидно, что истоки развивавшейся В. Ф. Левитским идеи о построении экономического знания на принципах позитивных наук лежали в позитивизме О. Конта и А. Кетле, популярном среди молодёжи 1870-х гг. Отсюда симпатии к экономическому анализу, созданному классической и австрийской школами. Подобным же образом может быть объяснён и интерес к Дж. Ст. Миллю, на взгляды которого В. Ф. Левитский совершенно очевидно опирается. Весьма вероятно, что В. Ф. Левитский в молодости был знаком с трактовкой Милля, данной Н. Г. Чернышевским, “властителем дум” российской образованной молодёжи 1860–1870-х гг. (“Основания политической экономики” Дж. Ст. Милля с примечаниями (комментариями) Н. Г. Чернышевского были изданы в 1860 г.).

В контексте творчества С. Кузнеця наиболее интересным в “позитивистской” основе научных взглядов В. Ф. Левитского является его оценка учения Дж. Ст. Милля о дедуктивных и эмпирических законах и о методах научного исследования, изложенных в его “Системе логики” (1843). Это учение было широко известно в академических кругах России / Украины на рубеже XIX–XX ст., но практически незнакомо современным биографам Кузнеця. В. Ф. Левитского интересовали строгие критерии, предъявленные Дж. Ст. Миллем к эмпирической проверке дедуктивных законов. В контексте работы В. Ф. Левитского это значило, что выведенные из абстрактно-аналитических построений классической, австрийской школ и марксизма теоретические закономерности не могут быть сочтены достоверным научным знанием, пока их не удастся подтвердить методами, используемыми исторической школой. Например, материалами хозяйственной статистики или историческими фактами.

В. Ф. Левитский здесь решительно возражает Дж. Ст. Миллю, аргументируя, что экономические отношения слишком сложны для того, чтобы из них можно было выделить отдельные экономические явления в чистом виде. Такое возможно только с помощью абстрактного анализа. Следовательно, выведенные с его помощью закономерности и не могут быть с достаточной ясностью выявлены эмпирически: “мы... можем даже утверждать, что основные законы вообще заведомо не могут и не должны совпадать с результатами эмпирического исследования” [4, с. 117]. Как нам известно, в этом пункте С. Кузнець решительно не согласился со своим профессором, сочтя более заслуживающей доверия прямо противоположную точку зрения.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, можно считать очевидным, что ознакомление С. Кузнеця с методологией экономической науки началось в Харьковском коммерческом институте и было достаточно глубоким, чтобы оказать влияние на формирование его дальнейших научных взглядов и убеждений. В частности, это касается ключевых положений об эмпирическом методе в экономическом анализе; о природе экономического поведения человека и институтах; о конфликте субъективистских и априорных подходов австрийской и классической школ с социологическим и эмпирическим подходом Немецкой исторической школы. Также, очевидными являются особенности взглядов харьковских учителей С. Кузнеця на данную проблематику.

Принимая во внимание роль статистического анализа в данной системе взглядов, в развитии экономической науки XX ст., а также, собственно, в дальнейшем научном творчестве Кузнеця, необходимым является рассмотрение содержания данного блока научных дисциплин, преподававшихся с. Кузнецю в ХКИ. Перспективным является анализ взглядов преподавателей, ведших курсы политической экономии, экономической политики и экономической географии (П. И. Фомин, М. Н. Соболев). Это позволит выявить возможное место марксизма во взглядах С. Кузнеця харьковского периода его академической биографии, и рассмотреть вопрос о некоторых истоках развивавшейся им впоследствии тематики экономического развития.

Литература: 1. Аникин А. В. Люди науки: Встречи с выдающимися экономистами. М.: Дело, 1995. 93 с. 2. Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905)/под ред. М. П. Чубинского, Д. И. Багалея. Харьков: Тип. «Печатное дело», 1908. VIII, 311, III, (22) с. 3. Державний архів Харківської області (ДАХО). Ф. 3. Оп. 285, д. 243, л. 1. 4. Левитский В. Ф. Задачи и методы науки о народном хозяйстве. Ярославль: Типолит. Фальк Г. В., 1890. VI, 254 с. 5. Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: Тип. «Адольф Дарре», 1914. 493 с. 6. Левитский В. Ф. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта: с древнейших времен до конца XIX века. М.: Либроком, 2012. 492 с. 7. Меньшиков М. О. Национальная политика // Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб.: Русская симфония, 2007. С. 466–472. 8. Московкин В. Семён Кузнец: Его профессиональное окружение в Харькове и первая научная работа. *Бизнес Информ*. 2002. № 9–10. С. 83–99. 9. Московкин В., Божко Л. О судьбах тех, кто обучал Семёна Кузнецова в Харькове. *Новий Колегіум*. 2011. № 3. С. 69–83. 10. Московкин В. М. Две загадки Семёна Кузнецова. *Культурна спадщина Слобожанщини*. 2011. Вип. 25. С. 94–98. 11. Московкин В. М. Неизвестный Семён Кузнецов: учёба в Харькове. *Universitates. Университеты*. 2010. № 1. С. 52–65. 12. Московкин В. М., Белик В. П. Выдающийся отечественный экономист конца XIX – начала XX века В. Ф. Левитский. *Universitates. Университеты*. 2012. № 2 (49). С. 46–58. 13. Московкин В. М., Михайличенко Д. Ю. Саймон Кузнецов и харьковская высшая экономическая школа начала XX ст. // Кузнецов С. Экономическая система д-ра Шумпетера, излагаемая и критикуемая, Перлман М. Две фазы заинтересованности Кузнецова Шумпетером/под ред. В. С. Пономаренко. Харьков: ИД «ИНЖЕК», 2013. 128 с. 14. Московкин В. С. Обучение братьев Семёна и Соломона Кузнецов в Ровенском реальном училище. *Новий Колегіум*. 2012. № 2. С. 75–94. 15. Отчёт Харьковского коммерческого института за 1916–1917 учебный год. *Известия Харьковского коммерческого института*. 1918. № 1. С. 15–77. 16. Пономаренко В. С. Нариси з історії Харківського національного економічного університету: монографія/за заг. ред. В. С. Пономаренка. Харків: ВД «ИНЖЕК», 2005. 328 с. 17. Хайлова Н. Б. Посников Александр Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 485–486. 18. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО). Ф. 166. Оп. 2, д. 1512, л. 16. 19. Шудрик И. А. Жизнь, духовное наследие и мученическая смерть профессора, протоиерея Николая Стеллецкого (к 80-летию его трагической гибели). *Vira i rozum*. 2000. № 1. С. 71–78. 20. Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Simon Kuznets (1901–1985). *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. No. 1. P. 239–246. 21. Barnett V. Historical political economy in Russia, 1870–1913. *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2004. Vol. 11. No. 2. P. 231–253. 22. Barnett V. Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the «Russian Historical School». *History of Political Economy*. 2004. Vol. 36. No. 1. P. 79–101. 23. Ben-Porath Y. Simon Kuznets in Person and in Writing. *Economic Development and Cultural Change*. 1988. Vol. 36. No. 3. P. 435–447. 24. Duggar W. M. The Origins of Thorstein Veblen's Thought. *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60. No. 3. P. 424–431. 25. Fogel R. W. Some Notes on the Scientific Methods of Simon Kuznets // National Bureau of Economic Research, 1987. 39 p. 26. Goldthwaite R., Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Frederic C. Lane 1900–1984, Simon Kuznets 1901–1985. *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. No. 1. P. 239–246. 27. Grimmer-Solem E., Romani R. In search of full empirical reality: historical political economy, 1870–1900. *European Journal of the History of Economic Thought*. 1999. Vol. 6. No. 3. P. 333–364. 28. Ingram J. K. A History of Political Economy. New and Enlarged Edition with a Supplementary Chapter by William A. Scott and an Introduction by Richard T. Ely. London: A. and C. Black, 1915. 315 p. 29. Maddison A. Contours of the World Economy and the Art of Macro-measurement 1500–2001. URL: <http://www.ggdc.net/Maddison/articles/ruggles.pdf>. 30. Michaelides P. G., Milios J. G. Joseph Schumpeter and the German Historical School. *Cambridge Journal of Economics*. 2009. Vol. 33. P. 495–516. 31. Nau H., Steiner P. Schmolter, Durkheim, and Old European Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*. 2002. Vol. 36. No. 4. P. 1005–1024. 32. Perlman M. Jews and Contributions to Economics: A Bicentennial Review. *Judaism*. 1976. Vol. 25. Issue 3. P. 301–311. 33. Perlman M. Two phases of Kuznets's interest in Schumpeter // Economics Broadly Considered: Essays in Honour of Warren J. Samuels. London, New-York: Routledge, 2001. P. 125–140. 34. Simon Kuznets – Biographical // The Nobel Foundation. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-bio.html. 35. Weyl E. G. Simon Kuznets: Cautious Empiricist of the Eastern European Jewish Diaspora // Simon Kuznets, Jewish Economies: Development and Migration in America and Beyond? Vol. I: The Economic Life of American Jewry. NJ: Transaction Publishers, 2011. 239 p.

References: 1. Anikin A. V. Lyudi nauki: Vstrechi s vydayushchimisya ekonomistami. M.: Delo, 1995. 93 p. 2. Yuridicheskiy fakultet Kharkovskogo universiteta za pervyye sto let yego sushchestvovaniya (1805–1905)/pod red. M. P. Chubinskogo, D. I. Bagaley. Kharkov: Tip. «Pechatnoye delo», 1908. VIII, 311, III, (22) p. 3. Derzhavnyi arkhiv Kharkivskoi oblasti (DAKHO). F. 3. Op. 285, d. 243, l. 1. 4. Levitskiy V. F. Zadachi i metody nauki o narodnom khozyaystve. Yaroslavl: Tipo-lit. Falk G. V., 1890. VI, 254 p. 5. Levitskiy V. F. Istoriya politicheskoy ekonomii v svyazi s istoriyey khozyaystvennogo byta. Kharkov: Tip. «Adolf Darre», 1914. 493 p. 6. Levitskiy V. F. Istoriya politicheskoy ekonomii v svyazi s istoriyey khozyaystvennogo byta: s drevneyshikh vremen do kontsa XIX veka. Moskva: Librokom, 2012. 492 p. 7. Menshikov M. O. Natsionalnaya politika // Kak voskresnet Rossiya? Izbrannyye statii. SPb.: Russkaya simfoniya, 2007. P. 466. 8. Moskovkin V. Semen Kuznets: Yego professionalnoye okruzeniye v Kharkove i pervaya nauchnaya rabota [Semen Kuznets: His Professional Environment in Kharkov and the First Scientific Work]. *Biznes Inform*. 2002. No. 9–10. P. 83–99. 9. Moskovkin V., Bozhko L. O sudbakh tekhn, kto abuchal Semena Kuznetsa v Kharkove [About the Fates of Those Who Taught Semen Kuznets in Kharkov]. *Noviy kolehium*. 2011. No. 3. P. 69–83. 10. Moskovkin V. M. Dve zagadki Semena Kuznetsa [Two puzzles of Semen Kuznets]. *Kulturna spadshchyna Slobozhanshchyny*. 2011. Issue 25. P. 94–98. 11. Moskovkin V. M. Neizvestnyy Semen Kuznets: ucheba v Kharkove [Unknown Semen Kuznets: Study in Kharkov]. *Universitates. University*. 2010. No. 1. P. 52–65. 12. Moskovkin V. M., Belik V. P. Vydayushchiysya otechestvennyy ekonomist kontsa XIX – nachala XX veka

V. F. Levitskiy [Outstanding Domestic Economist of the Late XIX - Early XX Century V. F. Levitskiy]. *Universitatis. Universitety*. 2012. No. 2 (49). P. 46–58. **13.** Moskovkin V. M., Mikhaylichenko D. Yu. Saymon Kuznets i kharkovskaya vysshaya ekonomicheskaya shkola nachala XX st. // Kuznets S. Ekonomicheskaya sistema d-ra Shumpetera, izlagayemaya i kritikuyemaya. Perlman M. Dve fazы zainteresovannosti Kuznetsa Shumpeterom/pod red. V. S. Ponomarenko. Kharkov: ID «INZhEK». 2013. 128 p. **14.** Moskovkin V. S. *Obucheniye brat'yev Semena i Solomona Kuznets v Rovenskom realnom uchilishche* [Teaching Brothers Semen and Solomon Kuznets in the Rivne Real School]. *Novyi Kolehium*. 2012. No. 2. P. 75–94. **15.** Otchet Kharkovskogo kommercheskogo instituta za 1916–1917 uchebnyy god. *Izvestiya Kharkovskogo kommercheskogo instituta*. 1918. No. 1. P. 15–77. **16.** Ponomarenko V. S. *Narysy z istorii Kharkivskoho natsionalnoho ekonomichnoho universytetu: monohrafiia* [Essays on the History of Kharkiv National University of Economics: monograph]/V. S. Ponomarenko, D. Yu. Mykhailychenko, V. Ye. Yermachenko, O. A. Sakhno; Pid zah. red. V. S. Ponomarenka. – Kharkiv: VD «INZhEK», 2005. – 328 p. **17.** Khaylova N. B. Posnikov Aleksandr Sergeyevich // Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: 1906–1917: entsiklopediya. M.: ROSSPEN, 2008. P. 485–486. **18.** Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv vysshikh organov vlasti i upravleniya Ukrainy (TsDAVO). F. 166. Op. 2. d. 1512. L. 16. **19.** Shudrik I. A. *Zhizn, dukhovnoye naslediyе i muchenicheskaya smert professora, protoiyereya Nikolaya Stellets'kogo (k 80-letiyu yego tragicheskoy gibeli)* [Life, Spiritual Heritage and Martyrdom of the Professor, Protopriest Nikolai Stellets'kiy (to the 80th Anniversary of His Tragic Death)]. *Vira i rozum*. 2000. No. 1. P. 71–78. **20.** Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Simon Kuznets (1901–1985). *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. No. 1. P. 239–246. **21.** Barnett V. Historical political economy in Russia, 1870–1913. *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2004. Vol. 11. No. 2. P. 231–253. **22.** Barnett V. Tugan-Baranovsky, the Methodology of Political Economy, and the «Russian Historical School». *History of Political Economy*. 2004. Vol. 36. No. 1. P. 79–101. **23.** Ben-Porath Y. Simon Kuznets in Person and in Writing. *Economic Development and Cultural Change*. 1988. Vol. 36. No. 3. P. 435–447. **24.** Duggar W. M. The Origins of Thorstein Veblen's Thought. *Social Science Quarterly*. 1979. Vol. 60. No. 3. P. 424–431. **25.** Fogel R. W. Some Notes on the Scientific Methods of Simon Kuznets // National Bureau of Economic Research, 1987. 39 p. **26.** Goldthwaite R., Abramovitz M. Association Notes: In Memoriam: Frederic C. Lane 1900–1984, Simon Kuznets 1901–1985. *The Journal of Economic History*. 1986. Vol. 46. No. 1. P. 239–246. **27.** Grimmer-Solem E., Romani R. In search of full empirical reality: historical political economy, 1870–1900. *European Journal of the History of Economic Thought*. 1999. Vol. 6. No. 3. P. 333–364. **28.** Ingram J. K. A History of Political Economy. New and Enlarged Edition with a Supplementary Chapter by William A. Scott and an Introduction by Richard T. Ely. London: A. and C. Black, 1915. 315 p. **29.** Maddison A. Contours of the World Economy and the Art of Macro-measurement 1500–2001. URL: <http://www.ggdc.net/Maddison/articles/ruggles.pdf>. **30.** Michaelides P. G., Milios J. G. Joseph Schumpeter and the German Historical School. *Cambridge Journal of Economics*. 2009. Vol. 33. P. 495–516. **31.** Nau H., Steiner P. Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*. 2002. Vol. 36. No. 4. P. 1005–1024. **32.** Perlman M. Jews and Contributions to Economics: A Bicentennial Review. *Judaism*. 1976. Vol. 25. Issue 3. P. 301–311. **33.** Perlman M. Two phases of Kuznets's interest in Schumpeter // Economics Broadly Considered: Essays in Honour of Warren J. Samuels. London, New-York: Routledge, 2001. P. 125–140. **34.** Simon Kuznets – Biographical // The Nobel Foundation. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1971/kuznets-bio.html. **35.** Weyl E. G. Simon Kuznets: Cautious Empiricist of the Eastern European Jewish Diaspora // Simon Kuznets, Jewish Economies: Development and Migration in America and Beyond? Vol. I: The Economic Life of American Jewry. NJ: Transaction Publishers, 2011. 239 p.

Информация об авторе

Михайличенко Дмитрий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики Харьковского национального экономического университета им. С. Кузнеця (просп. Науки, 9а, г. Харьков, 61166, Украина; e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

Інформація про автора

Михайличенко Дмитро Юрійович – кандидат історичних наук, доцент, доцент кафедри політичної економії Харківського національного економічного університету ім. С. Кузнеця (просп. Науки, 9а, м. Харків, 61166, Україна; e-mail: dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

Information about the authors

D. Mykhailychenko – Ph.D. (Historical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of Department of Political Economy of Simon Kuznets Kharkiv National University of Economics (9a Nauky Ave., Kharkiv, 61116, Ukraine; dmytro.mykhailychenko@gmail.com).

*Стаття надійшла до ред.
22.03.2017 р.*